

*Ю. Пенке
Департамент внешней политики (г. Берлин, Германия)*

Слободан Милошевич и его эмпирический договор с национализмом. Размышления о разрушительной войне в бывшей Югославии

11 марта этого года в своей камере в тюрьме военного трибунала в Гааге умер экс-президент Югославии Слободан Милошевич. Это кажется скверным анекдотом истории, что его противник во время мирной революции в Белграде осенью 2001, сербский экс-премьер-министр Зоран Зиндич за три года до этого события был расстрелян 12 марта сторонниками Милошевича. В эти мартовские дни в городе проходили две траурные процессии — с одной стороны те, которые сожалели о смерти бывшего диктатора и развивали различные теории относительно его смерти от рук «западных властей», с другой стороны были те, кто кричали на улицах «Да здравствует Зоран!» и хотели бы видеть Сербию — Монтенегро в мирной Европе. Картины этих дней являютс отражением глубоко расколотого общества Сербии — Монтенегро, если не вообще всего общества на территории Западных Балкан.

Настоящий 2006 год может стать решающим в судьбе западных Балкан. Решающие действия еще предстоят: с одной стороны, возможное решение открытого вопроса о статусе (Монтенегро, Косово) и, с другой стороны, в повестке дня Европейского союза должен быть утвержден вопрос о перспективе вступления западных балканских государств¹. В конечном счете речь идет о принятии следующего решения: назад в согревающую изоляцию сеющих смерть националистов или вперед по неровной и трудной дороге в Европу. Возможно, выбор облегчает ретроспективный взгляд на трагические события театра военных действий на территории бывшей Югославии — яркая ретроспектива на процесс создания разрушающих сил развязывающего войну национализма.

Война! После всеобщей эйфории, связанной с мирными революциями в Восточной Европе и развалом Восточного блока в 1989–1990 гг., большинство граждан с ужасом смотрело в ненавидимое лицо восставших националистов в бывшей Югославии. В 1991 году в Европу, буквально сквозь заднюю дверь, ворвалась зверская война. Как это было возможно? Очень быстро были найдены проясняющие ситуацию исходные предпосылки. Распространенная средствами массовой информации и в рамках научного дискурса картина напоминала «пароварку»: Внезапное национальное пробуждение объяснялось развитием подавленных тоталитарными формами господства исторических традиционно создаваемых конфликтов, что явило собой начало «демокра-

Юлиан Пенке, преподаватель Берлинского университета, лектор Фонда Роберта Боша в Тюменском государственном университете (2003 – 2005 гг.). Специализируется на изучении восточной политики Европейского союза. E-mail: julian.paenke@web.de.

¹ Siehe dazu Dušan Reljić 2006: Kosovo — ein Prüfstein für die EU (= SWP-Aktuell 14, März 2006); Dušan Reljić 2005: Der Westbalkan ohne Zukunftsplan (= SWP-Aktuell 30, Juli 2005); Franz-Lothar Aitmann 2005: EU und Westlicher Balkan (= SWP-Studie S01, Januar 2005); European Commission (DG for Economic and Financial Affairs) 2004: The Western Balkans in transition, Brussels 4.2004.

тизации». Трансформация привела впоследствии к возрождению давно забытой культурной идентичности и культурно обоснованных конфликтов, которые были подавлены, а лучше сказать, законсервированы под влиянием авторитарного коммунистического господства¹.

Хотя политики и идеологи часто говорят о состоянии своей нации в те темные времена, исследователи национализма² указывают на то, что, навряд ли можно считать субъективным, рассмотрение нации как универсального и не имеющего времени понятия, однако, если рассматривать объективно, то подобные трактовки являются следствием настоящего времени³. Необходимо подчеркнуть элементы конструкции и социальной инженерии в формировании нации. «Национализм, который нередко превращает целые культуры в нации, иногда находит культуры и уничтожает их, таков факт»⁴. Если говорить лаконично, то человек создает нацию⁵. Но с какой целью он это делает? Нация и национализм — это двоякие феномены, которые можно понять неправильно, если не проанализировать их снизу, то есть, отталкиваясь от точек зрения, надежд, нужд и интересов простых людей⁶. Своими историческими воспоминаниями эти маленькие люди образуют плодородную почву для жаждущих власти акторов, которые, преследуя манипулятивные цели, формируют исторические ландшафты, чтобы протолкнуть свои собственные интересы. Исходя из этого, исторические воспоминания отнюдь не явились причиной распада Югославии, как это часто утверждается, а послужили связующим для осуществления и воплощения властных интересов.

Как следствие экономического кризиса в Югославии произошла смена потребностей в обществе. Социально-политические последствия кризиса привели к недовольствам среди населения и утрате доверия в правительстве⁷. В этой критической ситуации первыми инициативу в свои руки взяли «национальные партии», они размышляли о мнимом передаваемом исторически из поколения в поколение примере восприятия. Разжигание этого внутри югославского национализма привело к распаду Югославии. В настоящей статье я попытаюсь представить этот процесс, начиная с экономического кризиса и взрыва национализма и заканчивая началом развала государства.

По этой причине в качестве актуального примера я выбрал Сербию, так как эта статья таким же образом могла бы быть посвящена разжиганию национализма в Хорватии и Словении⁸. В завершении речь пойдет о взглядах, касающихся этой опустошительной и разорительной динамики.

Возбудители: экономический кризис и социально-политические имплициты

Когда в мае 1980 года умер Тито, в верхах витали проблемы, от которых впоследствии через 10 лет югославское государство раскололось. Эта личность 35 лет являлась доминирующей в югославской политике. Казавшиеся экономические продвижения вперед основывались в боль-

¹ Carl-Ulrik Schierup 1993: *Prelude to the Inferno. Economic desintegration and the political fragmentation of Yugoslavia*, in: *Balkan Forum. An international Journal of Politics, Economics and Culture* Vol. 1, No. 2/ March 1993, Skopje, 89–121, 89.

² Wie beispielsweise Benedict Anderson, Ernest Gellner, Eric J. Hobsbawm oder auch Rogers Brubaker.

³ Marie-Janine Calic 1995: *Der Krieg in Bosnien-Herzegovina. Ursachen – Konfliktstrukturen – Internationale Lösungsversuche*, Frankfurt/ M: Suhrkamp, 21; siehe auch Holm Sundhaussen 1993: *Experiment Jugoslawien. Von der Staatsgründung bis zum Staatszerfall*, Mannheim u.a.: Bibliogr. Inst., 7, 9, 14; Carl-Ulrik Schierup 1993: 90.

⁴ Ernest Gellner 1995: *Nationalismus und Moderne (Nations and nationalism, Oxford 1983)*, Hamburg: Rotbuch-Verlag, 77; siehe auch Eric J. Hobsbawm 1991: *Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780*, Frankfurt/ New York: Campus-Verlag, 21; vgl. Benedict Anderson 1991: *Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgeschweren Konzepts (Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, London 1991)*, Frankfurt/ New York: Campus-Verlag, 14 f.

⁵ Gellner 1995: 17.

⁶ Hobsbawm 1991: 21 f.

⁷ Jens Reuter 1990: *Jugoslawien im Umbruch*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* B45/ 1990, 3–15, 4; siehe auch Josip Furkes 1991: *Der unaufhaltsame Aufstieg des Slobodan Milošević*, in: ders./ Karl-Heinz Schlarp (Hg.): *Jugoslawien. Ein Staat zerfällt*, Reinbek: Rowohlt, 63–90, 85. Siehe auch Michael P. Scharf 2002: *Slobodan Milosevic on trial. A companion*, New York u.a.: Continuum.

⁸ Einen hervorragenden Einblick in die kroatischen Entwicklungen gibt folgender Essayband: Dubravka Ugrešić 1995: *Die Kultur der Lüge*, Frankfurt/ M: Suhrkamp. Für Slowenien siehe die Arbeiten Drago Jancars, z.B.: *Im Disput* (1992); *Kurzer Bericht über eine lange belagerte Stadt. Gerechtigkeit für Sarajevo* (1996).

шпнстве своем на нерационально расходуемых иностранных кредитах. Этот поток финансовых средств позволил югославам ощутить на себе так называемую потребительскую волну. Так, сегодня, среди населения 70-е годы до сих пор нередко называют «золотыми». Как правило, этот экономический всплеск жители бывшей Югославии связывают не с иностранными кредитами, а с авторитетом Тито¹⁰. Восприятие 70-х годов как эпохи безукоризненности и подъема основывается на этом обмане. Уже в конце 70-х гг. виднелись первые признаки наступающего экономического кризиса. Растущая безработица, возврат продукции и экспорта, а также рост инфляции становились все заметнее. Уровень жизни снизился по мере прекращения выдачи стране иностранных кредитов. В 80-е годы Югославия узнала о своих внешних долгах. Они возросли уже к тому времени от 6,5 млрд. долларов в 1975 г. до 20 млрд. долларов в 1980 году. Инфляция росла и к 1985 составляла 67%. Заработная плата снизилась, уровень жизни населения достиг такого, который царил в 1960 году, насчитывалось свыше 1 миллиона безработных¹¹. Плохая экономика и коррупция аппарата власти ускорили путь к кризису и «разрушили правдоподобие экономических и политических линий правительства. Тяготеющая задолженность по кредитам, недостаточная ликвидность югославской экономики и ее технологическое отставание затруднили выход из сложившегося кризиса»¹².

Данные экономики в 1988 году практически все содержали знак минуса. По данным статистического федерального ведомства производство отставало на 1%. Заработная плата должна была по необходимости мириться с реальными потерями, составлявшими более 10%. В ноябре 1988 года средний доход населения составлял 754000 динаров (около 160 евро)¹³. Однако этот средний доход мало говорит о ситуации в широких слоях населения, которые уже достаточно длительное время получали минимальную заработную плату. Так, многие работающие в Боснии-Герцеговине и Македонии должны были выживать на 200000 динаров (меньше чем 50 евро). Упадок заработной платы привел к новым рекордам по количеству забастовок, не менее 3000 в 1988 году, с количеством участников в 360000 человек. Кроме того инфляция с данными в 251,2% переросла уже в гиперинфляцию¹⁴. В 1982 году она составляла 30%, свыше 79,5% в 1985 году, 92% в 1986 и 167,4% в 1987, а затем она достигла своего апогея. Уже в январе 1989 года рекордное увеличение цен достигло отметки в 290,7%. Ценовая волна наблюдалась дальше и на контролируемых государством товарах и сферах обслуживания (это меньше чем 10%, около 70% всех цен не подвергались прямому контролю властей). Производители энергии требовали более 48%, железная дорога повысила стоимость ж/д билетов на 40%¹⁵. Таким образом, сниженный чередой этих событий уровень жизни окончательно разубедил население и привел к тому, что оно обратилось к национализму.

Официальные данные по безработице составляли от 15 до 20%. Однако эти цифры только частично могут представить картину, которая складывалась с безработицей. Так как, по югославским подсчетам, каждый пятый из 6,6 млн., занятых в общественном секторе считался лишним. Устранение этого «технического излишка» рассматривалось как «самая большая точка реформы экономики»¹⁶. Наряду с этим на страну давили задолженности по кредитам, которые достигли к тому времени суммы в 21 млрд. долларов. От всего дохода страны около 30% должны были уходить на погашение процентов по кредитам (а в юнце 1980 года даже 45%). Ко всему прочему отношения с Международным валютным фондом в 1988 году были на грани разрыва, так как Югославия не хотела или не могла сдерживать важные экономико-политические показатели, как, например, сдерживание раздутых общественных затрат¹⁷. Экономическая политика Тито и некоторые попытки

¹⁰ Thomas Brey 1989: Jugoslawien in der Zeitreißprobe, in: Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens, Heft 6, 1989, 568–582, 569.

¹¹ Svein Mønnesland 1997: Land ohne Wiederkehr. Ex-Jugoslawien: Die Wurzeln des Krieges, Klagenfurt: Wieser, 301.

¹² Sundhaussen 1993: 121.

¹³ Brey 1989: 569.

¹⁴ Vgl. Mønnesland 1997: 303.

¹⁵ Brey 1989: 569.

¹⁶ Tanjug, 3.1.1989; vgl. Brey 1989: 570.

¹⁷ Ebenda.

реформирования 80-х гг. должны были рассматриваться в 1989 году как неудавшиеся. «Третий путь» Югославии между плановой и капиталистической рыночной экономикой не удался¹⁸.

Карл Ульрих Шируп придерживается точки тезиса, что этническое фрагментирование Югославии повлекло за собой экономическое¹⁹. Он описывает в своем сочинении возникновение квазизакрытой, сепаративной, «национальной» субэкономики. Прежде всего называются две причины этого процесса: обрушившаяся децентрализация и радикально рыночно-ориентированное выравнивание как следствие конституции от 1974 года с одной стороны, и интерпретация фрагментирования как социологического феномена, с другой стороны. Я хотел бы подробнее остановиться на второй причине. Корни экономического фрагментирования я вижу в региональных различиях, к которым я еще обращусь позднее. Относительно конституции 1974 года необходимо заметить, что она в противовес к ранним, зачастую декларативным конституциям, определяла республики как государства (ст. 3). Тем самым она делала республики самостоятельными, квалифицированными носителями общегосударственного волеизъявления, которые не могли быть майоризированы. Также оба региона в союзе республики Сербии, Косово и Воиводина, не определялись как государства, но в отношении совместного воздействия в общем государстве были сопоставлены с республиками. Как следствие этого в рамках союза все меньше становилась непосредственная политическая жизнь. «Это наблюдалось прежде всего в республиках и регионах»²⁰.

В этой форме конституция 1974 года действительно влияла на экономический раскол Югославии. Эта вышеназванная политическая жизнь дала направление экономической политике. В любом случае оставалась изоляция, которая не ограничивалась уже только республиканским уровнем. В рамках каждого региона и республики существовали небольшие административные единицы, которые так же как и регионы или республики имели протекционные отношения со своими соседями. Эта остановка на самих себе была опасным «секретным сценарием» 80-х годов²¹. Различные республики и провинции развивали разные структуры власти, которые все стремились к отдельным экономически автаркическим административным единицам. Эти самостоятельные административные единицы пытались защитить себя от рынка и его условий в других республиках. Так как республики обладали правом вето в отличие от федерального органа, они могли проводить политические инвестиции, которые были нерентабельны. Каждый регион стремился к собственным престижным предприятиям, фабрикам, автозаводам и т.п. Югославский рынок как общий рынок прекратил свое существование. Только 20–25% продукции были определены для ведения торговли с другими республиками, это значит меньше, чем доля экспорта в остальные европейские страны²². Ценовая политика в разных регионах следовала экстремально сепаративной линии, которая создавала неравные условия для торговли и инвестиций. Из-за недостатка планирования и кооперации, обусловленных системой, которая позволила каждой республике иметь свой собственный инвалютный счет, внешняя торговля приобрела очень иррациональный характер исходя из перспективы федерации²³.

Это могло привести к тому, что субэкономика предлагала на мировом рынке сырье по экстремально удобной цене, в то время как другая экономика вращала на этом свои высоко оцениваемые дивизы и покупала сырье для своей индустрии по более высокой цене. Это частичное деление в квазизакрытую сепаратную экономику при одновременной редукции межреспубликанских коммуникативных и кооперационных отношений переросло в экономическую войну²⁴. С. Моннефланд пишет, что экономические интересы в этой распределительной борьбе стали камуфляжем для национальных интересов²⁵. К сожалению, национализм стал инструментом осуществления мнимых экономических интересов.

¹⁸ Vgl. Mønnesland 1997: 301.

¹⁹ Schierup 1993: 91.

²⁰ Viktor Meier 1995: Wie Jugoslawien verspielt wurde, München: Beck, 15.

²¹ Schierup 1993: 94.

²² Mønnesland 1997: 301.

²³ Vgl. Schierup 1993: 96.

²⁴ Vgl. Calic 1995: 32 f.

²⁵ Mønnesland 1997: 302.

Итак, я подхожу к региональным различиям, которые, по моему мнению, обусловили экономический раскол Югославии. Различия между отдельными республиками не уменьшились в послевоенное время. Традиционная разница между достаточными средневропейскими «нациями» (Словения, Хорватия) на северо-востоке страны и отстающей частью населения на южных Балканах была настолько велика, что их нельзя было и сопоставить друг с другом. Так, ежемесячный средний доход (в тысячах) в 1989 году в Словении составил 1180 динаров, в Хорватии 823 динара. В противовес этому в Монтенегро доход ограничивался 569 динарами, а в Косово — 454 динарами²⁶. В качестве другого примера можно привести квоту безработицы. В среднем по стране в 1989 году она составляла 16,8%, в то время как в Словении количество занятых составляло 2,5%, в Косово процент безработных был 57,8²⁷. Разница в развитии наблюдается также и по количеству неграмотных. В Словении количество таких людей насчитывало 0,8% от общего числа, в то время как в Косово они составляли 17,6%²⁸. На примере Словении региональные различия очень четко просматриваются. Своими восьмью процентами населения Словения производила 22% НВП. Это означало соответствующий взнос в федеральный бюджет. Также Словения обладала 30% экспорта Югославии в странах с конвертируемой валютой и 25% всего экспорта²⁹.

Различия в таком размере доставили бы любому правительству немало трудностей, как в вопросах консенсуса всех шести республик, так и в вопросах с оставшимися двумя автономными провинциями. Таким образом, влиятельная федеральная политика была просто уже невозможной³⁰. Отсутствие единства из-за больших различий усиливается противоречия. Недовольство подобным разделением было велико. С 1965 года в Югославии существовал фонд для поддержки малоразвитых областей, в который каждая республика в зависимости от высоты своего НВП должна была платить взносы. Наибольшую поддержку получало Косово (48%), затем следовала Босния-Герцеговина (25%), Македония (18%) и Монтенегро (9%)³¹.

В этой связи необходимо указать также на различный уровень репрезентативности отдельных «наций» в обоих важных институтах Югославии, а именно, в Союзе Коммунистов Югославии и в Югославской Народной Армии. 6,4% населения Словении и 7% хорватов состояли в СКЮ, этому противостояли 19,7% жителей Монтенегро и 12,3% сербов. Жители Монтенегро, которые зачастую рассматривали сами себя как сербы, и собственно сербы составляли 53% партии, что показывало сербское преобладание³². В армии это соотношение было еще ярче. Наряду с государственными и партийными органами власти Югославская народная армия являлась третьей государственной властью, которая держала Югославию и ее жителей. Согласно конституции состав армии должен был соответствовать национальной структуре. В действительности процентное соотношение в армии было следующим: (Словения 2,8% офицерского состава, 8% хорватов, и 12,6% при 22%)³³. Военная карьера была у сербов и жителей Монтенегро связана с престижем, и кроме того, привлекательным занятием в областях с повышенной безработицей. Часть сербов и жителей Монтенегро составляла треть всего офицерского корпуса (сербы — 60%, 40% население Монтенегро, 6,2% при 2,5%)³⁴. Эта диспропорция увеличивалась и далее.

Все это было индикаторами глубокого кризиса общества. Правящие элиты не могли предложить какого-либо конкретного решения, которое обрисовало бы им перспективу. Та-

²⁶ Mønnesland 1997: 306.

²⁷ Liliana Djekovic 1991: Der kurze Atem der Selbstverwaltung, in: Josip Furkcs/ Karl-Heinz Schlarp (Hg.): Jugoslawien ..., 134–165, 137.

²⁸ Calic 1995: 31.

²⁹ Meier 1995: 210.

³⁰ Calic: 32.

³¹ Mønnesland 1997: 306; vgl. Brey 1989: 581; Schierup 1993: 98 f. und vor allem 101; Sundhaussen 1993: 122.

³² Ebenda: 300.

³³ Ebenda: 305.

³⁴ Anton Bebler 1991: Staat im Staate. Zur Rolle der Militärs, in: Josip Furkcs/ Karl-Heinz Schlarp (Hg.): 106–134, 107, 115.

ким образом, угрожающая потеря законности и национализма компенсировала традиционность и патриотизм³⁵. Национальные противоречия, которые привели к расколу страны, брали свое начало в экономическом кризисе и в споре с распределением благ³⁶. По мнению Иозефа Фурке, обострение экономического кризиса коррелирует с воплощением национального авторитарного популизма Слободана Милошевича, так как прежде Сербия из-за своих огромных нерентабельных предприятий была охвачена кризисом³⁷.

Показательный пример: Слободан Милошевич и сербский национализм

После смерти Тито началась эпоха ликвидации и распада. Последствия экономического кризиса задели в первую очередь бедные малоразвитые регионы, а именно Косово. Безработица здесь была в 3,33 раз выше, чем в других регионах страны. В 1980 году квота безработицы в Косово составляла около 30%. По прошествии 80-х гг. эта квота возросла до 80% в 1991 году, что означало, что экономика была полностью разрушена. Какие опустошительные последствия для межнациональных отношений могла иметь односторонняя предпочтительность в распределении рабочих мест, станет ясно, если просматривать следующие цифры. Так, в начале 80-х годов от 1000 жителей Косово рабочие места распределялись следующим образом: 109 — албанцы, 228 — сербы и 258 — жители Монтенегро, хотя албанцы составляли 90% жителей Косово³⁸. Эта взрывоопасная ситуация привела в марте 1981 года к беспокойствам среди студентов в Приштина. Студенты выступали за лучшее отношение. Волнения продвинулись так далеко, что беспокойства в апреле 1981 года прошли по всему Косово и привели к уличной борьбе. По-разному требовалось образовать «республику Косово». Цели албанских демонстрантов 1981 года было очень трудно вычленивать. Ясно было одно, что они были катастрофичными, как для албанцев, так и для всего населения Югославии³⁹. Так как это привело к зверскому подавлению беспокойств и забастовок армией. Официальные источники говорили о девяти убитых, албанские, наоборот — о тысячах⁴⁰. В Косово было объявлено чрезвычайное положение. «Что последует сейчас, есть оккупация Косово, связанная с зачистками. Тысячи албанцев были изгнаны из партии, брошены в тюрьмы и обвинены в националистской деятельности»⁴¹.

Живущие в Косово сербы и представители Монтенегро познали в университете Приштина «крепость албанского национализма». Политическое правление Косово, по их мнению, уже не действовало⁴². Страх сербов перед вытеснением был обоснован простым демографическим развитием. С 1961 года составляющая часть сербов от 27,5% (23% в 1971 г.) снизилась к 1981 году до 17%. В конце 80-х годов они составляли около 9%⁴³. Неоспоримо то, что прогресс и продвижение албанского национализма в Косово нашел свою сопряженную деталь в постоянном противостоянии сербов и представителей Монтенегро. Только появляется вопрос относительно причин. Уже вскоре сербские СМИ распространили эти истории о насилии, угрозах, гонениях и тому подобное, при помощи которых Сербия узаконила свое давление и применение насилия против Косово. Исследования независимых сербских ученых говорили о том, что эмиграция, по большому счету, была обусловлена экономическими отношениями⁴⁴. Желание албанцев отделиться росло с увеличивающимся угнетением сербской политикой. Чем больше была готовность албанцев к переговорам, тем громче становил-

³⁵ Ebenda; vgl. Wolfgang Höpken 1991: Die Unfähigkeit zusammenzuleben, in: Josip Furkes/ Karl-Heinz Schlarp (Hg.): 32–63, 50 («Die mit dem Verfall der ökonomischen Leistungsfähigkeit einhergehende soziale Krise belebte zudem die sozialen Voraussetzungen für ein Wiederaufleben nationaler Konfrontation»).

³⁶ vgl. Brey 1989: 569; Sundhaussen 1993: 121 f.; Leonard J. Cohen 2002: Serpent in the bosom: the rise and fall of Slobodan Milošević, Boulder (CO): Westview Press.

³⁷ Furkes 1991: 84.

³⁸ Ebenda: 72 f.

³⁹ Meier 1995: 60.

⁴⁰ Mønnesland 1997: 311.

⁴¹ Ebenda.

⁴² Meier 1995: 62.

⁴³ Ebenda; siehe auch Mønnesland 1997: 312.

⁴⁴ vgl. Mønnesland 1997: 312.

ся среди сербов клич о «сильной руке». Кризис Косово стал центральной областью сербской политики. В глазах сербских интеллигентов речь шла об эксперименте и не в последнюю очередь о защите региона, в котором они видели «колыбель сербов».

Косовский миф сербов берет свое начало от битвы 28 июня 1389 года. В этой битве сербы потерпели решающее поражение в бою с турками и, таким образом, потеряли свою средневековую нацию. Как и все мифы, этот тоже не основывается на каких-либо исторических фактах. Сначала боролась балканское войско (под влиянием албанцев, болгар и других) против турок, затем речь шла уже о наемном войске, также были представлены сербы и на стороне турок, и, кроме того, под вопросом остается вообще актуальность этой битвы. Во всяком случае в связи с этим мифом поражение и проигрыш исторического события в сознании этой нации имел огромное значение независимо от того, подтверждали ли это событие какие-либо исторические факты. Сербский историк однажды сказал: «Миф — это то, что никогда не было и всегда будет»⁴⁵. Епископ Николай Велемирович, один из ведущих ортодоксальных теологов, обрисовал косовский миф следующим образом: «Косово дает показания того, что мы как народ никогда не боролись за маловажные вещи и то, что мы никогда не руководствовались временными целями <...> Косово было нашим национальным достоянием, и в то же время наше национальное, духовное и моральное воскрешение»⁴⁶.

В связи с косовским кризисом в Сербии встал вопрос об автономных правах двух провинций — Косово и Войводина. Так как в автономии этих двух провинций видели инструмент антисербской политики, которая брала свое начало от хорватов и жителей Словении, и чьей целью было то, что Сербия должна существовать согласно формуле: слабая Сербия порождает сильную Югославию. Это должно было изменить самосознание националистов и их представление государственных ролей сербов. Девиз — «Сильная Сербия породит сильную Югославию»⁴⁷. С такой концепцией люди хотели стать во главе вышеназванного кризиса общества. Спор о стратегии и о том, каким образом ее достичь, привел к борьбе внутри союза коммунистов Сербии. В начале 1985 г. ведущие функционеры, среди них бывший президент республики Иван Стамболич, так же как и ведущий военный генерал Любишич, решили выдвинуть Слободана Милошевича, тогда неизвестного члена ЦК и директора банка Белграда, кандидатом на президентство. Милошевич, чей отец в промежуток между войнами был ортодоксальным помом в Косово, выступал как сторонник административных мер, прибегал к решительным мерам и изгонял сторонников плюрализма мнений внутри партии⁴⁸. Варен Циммерманн, бывший посол США в Югославии, охарактеризовал Милошевича как человека необычайно холодного и несколько мистического, чем тот, кто несчастным образом охвачен своей темной стороной⁴⁹. Очень четко описывает Циммерманн: «Он заключил фаустовское соглашение с национализмом, которое заключалось в захвате и защите власти»⁵⁰.

1986 год должен был стать решающим в судьбе Югославии, так как в течение этого года кристаллизировались во многих республиках политические конъюнктуры, которые определили следующий ход противоречий и политических несогласий, также и в Сербии⁵¹. В феврале 1986 года Слободан Милошевич, председатель городского комитета партии в Белграде, был, в девятый раз, выдвинут на пост президента Сербии. В мае 1986 года он был избран. Как утверждает Виктор Майер, это не означало еще глубокого провала, так как фракция Милошевича еще не обладала в 1986 году поддержкой большинства, новый глава партии не контроли-

⁴⁵ Zitiert nach Wolfgang Ilibal 1996: Die Serben. Blüte, Wahn und Katastrophe, München/ Wien: Europa-Verlag: 16.

⁴⁶ Ebenda: 18; zum Kosovo-Mythos siehe 3. Kapitel «Im Banne des Amsfelds»: 16 ff.

⁴⁷ Furkes 1991: 74 f.

⁴⁸ Adam LeBor 2002: Milosevic. A biography, London: Bloomsbury; Vidosav Stevanovic u.a. (eds.) 2004: Milosevic. The people's tyrant, London u.a.: I.B. Taurus.

⁴⁹ Warren Zimmermann 1995: The Last Ambassador. A Memoir of the Collapse of Yugoslavia, in: Foreign Affairs, Vol. 74, No. 2/ 1995, 2–20, 5; vgl. Ilibal 1996: 187 f.

⁵⁰ Ebenda: 5 («He has made a Faustian pact with nationalism as a way to gain and hold power»).

⁵¹ Meier 1995: 67 f.

ровал еще телевидение и сербскую газету «Politika»⁵². Главной целью Милошевича была унификация Республики Сербия, об этом он говорил уже на заседании в середине января 1987 года. Государство и партия в Сербии должны были действовать в будущем как единое целое⁵³. Одновременно он внушал с понятием «единство» разделение тогдашней Сербии, что означало, Сербия стала частью разрушенной страны, которая снова должна была воссоединиться⁵⁴.

Свой подъем и приход к власти Милошевич осуществил при помощи Косово. В сентябре 1987 года на восьмом заседании комитета Милошевич взял власть в свои руки. Это заседание было открыто докладом Милошевича, который критики подвергли осуждению за неосталинский стиль борьбы против контрреволюции в Косово⁵⁵. В речи сторонники политических и демократических решений косовского кризиса определялись как оппортунисты, поэтому требовалось изгнать их из партии. Даже бывший сторонник Милошевича Иван Стамболич говорил о сталинских методах⁵⁶. Критика Драгица Павловича, другого противника Милошевича, звучала следующим образом: «Каждый, кто сегодня готов отказаться при решении национальных вопросов и национальных конфликтов от демократических и социалистических принципов, приближается к национализму или уже является его сторонником, независимо от того, как он действует»⁵⁷. На заседании, во время которого производилась зачистка, последовало изгнание Павловича и других его единомышленников. Несколько позже был исключен из партии также популярный белградский бургомистр Богдан Богданович, а в октябре 1987 года даже Иван Стамболич. Затем последовала систематическая зачистка СМН⁵⁸. Все это было только началом. Это объяснялось тем, что власти хотят создать более глубокий союз с обществом. Инструментом для Милошевича служила так называемая антибюрократическая революция и раздуваемый сербский национализм. «На десерт» он оставил себе интеллигентов, писателей и критиков режима.

В конце этой тоталитарной борьбы власти Милошевич стал как единственный господин и властитель Сербии. Для его экстремистской политики уже была идеологическая платформа, готовыми стояли также и мобилизованные уличные колонны. Идеологическая платформа была разработана группой академиков и ученых в сентябре 1986 года как меморандум «Актуальные вопросы в нашей стране»⁵⁹. Под этим безобидным заголовком скрывался брызгантичный документ. Виктор Майер пишет, что от сербской национальной программы без колебаний можно было говорить о программе создания Великой Сербии⁶⁰. Важным автором меморандума был писатель Добрика Кошич, один из ведущих теоретиков сербского национализма. По его мнению, Сербия попала под политическую опеку других республик, которую создали две провинции. Слова Кошича звучали: «Сербия выиграла все войны, однако потеряла мир»⁶¹. После этого последовало две трагедии, которые Сербия пережила в течение XX века: согласие Сербии на вход в южнославянское государство и коммунистический режим. Стамболич и Павлович охарактеризовали меморандум как националистский. Милошевич молчал по этому поводу, однако потом обыграл эту критику против Стамболича и Павловича⁶².

Итак, перейдем собственно к содержанию меморандума. Авторы исходят из того, что сербский народ с момента окончания Второй мировой войны в Югославии был обделен всем во времена правления антисербской коалиции внутри правящей коммунистической партии. Эта коалиция была образована представителями Словении и Хорватии. Эта дискри-

⁵² Ebenda: 73. Siehe auch Louis Sell 2002: Slobodan Milosevic and the destruction of Yugoslavia, Durham u.a.: Duke Univ. Press.

⁵³ Ebenda: 75.

⁵⁴ Reuter 1990: 5.

⁵⁵ Furkes 1991: 76.

⁵⁶ Ebenda.

⁵⁷ Zitiert nach Danas vom 29.9.1987, ebenda: 76.

⁵⁸ Ebenda: 77; siehe auch Mønnesland 1997: 318.

⁵⁹ Auszüge des Memorandums sind am 24. und 25. September 1986 in der Belgrader Zeitung Vecernije novosti veröffentlicht worden; siehe auch Libal 1996: 12.

⁶⁰ Meier 1995: 76.

⁶¹ Zitiert nach Mønnesland 1997: 314; im gleichen Wortlaut bei Libal 1996: 12 ff.

⁶² Meier 1995: 76.

минирующая политика против сербов проходила под лозунгом «слабая Сербия — сильная Югославия», она так далеко зашла, что сербская нация не имела права даже на собственное государство⁶³. Далее это означало то, что на сербах испытывали как в Хорватии, так и в Косово геноцид. В Косово уже с 1981 года велась открытая война против сербов, они стали жертвами: неофашистской агрессии. «Судьба Косово — вопрос жизни для целой сербской нации. Физический, политический, правовой и культурный геноцид сербского населения в Косово и Метохии был одним из сильнейших поражений сербской освободительной борьбы начиная с 1804 по 1941 г.» Политика Югослави опиралась на тотальное уничтожение национальной единицы сербского народа. Необходимо было мобилизовать весь сербский народ для того, чтобы спасти нацию⁶⁴. Также повторялось, что «неблагодарность» со стороны других наций велика, так как сербы во время Второй мировой войны принесли себя в жертву во имя создания нового государства⁶⁵. Авторы меморандума скромно опирались в своей аргументации на различные труды. Их длинные страницы посвящены общеизвестным характеристикам и ошибкам коммунистической системы. Тезисом о том, что коммунистическая система бюрократизирована, они позволили Милошевичу объявить свою кампанию антибюрократической революцией⁶⁶.

В конце 1987 года коммунисты организовали среди косовских сербов в Косово манифестацию к партийной конференции Федерации коммунистов Косово. Там на других встречах косовских сербов были слышны все более агрессивные настроения, которые выдавали намерение вынести тактику встреч в Косово и предлагать это как «вариант» для Милошевича⁶⁷. В июле 1988 года Милошевич распространил свою тактику антибюрократических встреч и превратил ее в утвержденную стратегию. Эти встречи были по существу хорошо организованные собрания масс, которые создавали впечатление спонтанных создаваемых союзов, а в действительности инсценировались Милошевичем и финансировались партией.

Эти массовые встречи проходили все лето 1988 года и стали намного масштабнее. 23 июля в Панчево в Войводина количество демонстрантов составляло около 10000, 15 сентября в Сремске Митровица — 30000, 22 сентября в Кральево — около 100000, и, наконец, это число выросло до отметки 200000 8 октября в Крагуевац⁶⁸. Ядро этих демонстраций формировали так называемые «профессиональные» демонстранты. Они были одеты в основном в национальную одежду, носили национальную символику, которую люди не видели уже со времен конца Второй мировой войны, как картины сербских королей и героев, сербское знамя и изображения национальных мотивов из битв. Можно увидеть картины святого Саввы и Кара-дордоса и, конечно же, большие изображения Милошевича, или «Слобо», как его называли в народе⁶⁹. Новая своеобразная коалиция состояла из крыла догматических коммунистов и экстремальных националистов, из бывших партизан и приверженцев ортодоксальной церкви. Символы и политические лозунги были комбинацией коммунистической, право-экстремистской и ортодоксальной риторики.

После этой первой фазы национальной гомогенизации Милошевич начал с захвата югославской федерации. Так как цель этого митинга была однозначна — свержение автономистов, так же как и становление назначенных Милошевичем органов исполнительной власти. Первой целью было Войводино. 5 октября 1988 года собралось около 100000 сербов в Нови Сад. День спустя партийное правительство объявило под двойным давлением улиц и сербского правительства о своей отставке⁷⁰. Агрессия сербского партийного руководства направилась даже против других республик, прежде всего в Словении и Хорватии разразилась паника. Вследствие этого состоялось 17 заседание центрального комитета в октябре

⁶³ Zitiert nach Meier 1995: 94; im gleichen Wortlaut bei Libal 1996: 12 ff.

⁶⁴ Zitiert nach Mønnesland 1997: 318.

⁶⁵ Sundhassen 1993: 122 f.; vgl. Höpken 1991: 53.

⁶⁶ Meier 1995: 95.

⁶⁷ Ebenda: 136.

⁶⁸ Mønnesland 1997: 319; vgl. Libal 1996: 154 f.; Sundhassen 1993: 123.

⁶⁹ Ebenda: 319.

⁷⁰ Ebenda: 321; siehe auch Meier 1995: 144.

1988 как знак противостороннего обвинения⁷¹. На заседании партийного президиума федерации 11 октября партийному руководству Косово, преимущественно албанской национальности, была приписана основная ответственность за контрреволюцию в Косово. Тем самым был открыт огонь по ведущим функционерам Косово. Албанцы реагировали большими демонстрациями в Приштине в середине ноября. Милошевич инициировал контрдемонстрацию 19 ноября в Белграде. Свыше миллиону сербов заявил он: «Этот процесс (объединение сербов) ни одна другая власть не смогла сдержать... Но это не момент печали, это момент борьбы»⁷².

Еще раз Милошевич изменил свое направление и обратился в начале 1989 года к Монтегро. 11 января 1989 под давлением 120000 демонстрантов все партийное правительство Монтегро подало в отставку. Оно было заменено лояльными политиками. После удачного переворота в Монтегро сербский предводитель принял за сербов. Косово, как он считал, уже было готово для переворота. В феврале 1989 года начались забастовки албанцев в различных частях провинции, и 23 февраля разразился решающий бунт, который послужил кульминацией для начала голодовки рабочих горнодобывающего комбината Трепка. 28 февраля свыше 800000 сербов собрались перед парламентом в Белграде и требовали изгнания албанского партийного главы Азема Влази, которого они обвиняли в поддержке противников⁷³. Его арестом, который Слободан гарантировал демонстрантам, начался террор в Косово. 23 марта 1989 года провинциальное правительство в Косово должно было уступить сербскому изменению конституции. Голосование проходило в созданной сербами атмосфере, это означало, что на каждом углу на улице стояли танки и сербские полицейские сдерживали албанских демонстрантов. Изменение конституции означало лишение Косово автономии.

После «победы» в Косово было создано сербское правительство. Милошевич обладал сейчас всеми голосами сербов Войводина, Монтегро и Косово⁷⁴. В югославском государственном президиуме четко установилось отношение 4:4 между монолитным сербским блоком и другими. Надежда, что «победа» в Косово удовлетворит Милошевича, очень быстро угасла. Уже 22 мая 1989 г. он угрожал в Войводина: «Я хочу сказать всем в Сербии и за ее пределами, что Сербия не останется стоять на одном месте, опьяненная своими победами»⁷⁵. Сознательная инструментализация исторических мифов посредством сербского режима ясно была видна во время празднования 600-летия битвы на [...] поле 28 июня 1989 года. Милошевич говорил об одном или даже о двух миллионах сербов: «Спустя шестьсот лет, сегодня мы снова в борьбе. Они не вооружены, хотя такое тоже нельзя исключать»⁷⁶.

Подводя итог, можно сказать, что сербский национализм вселил в людей коллективное чувство участия и правоты и смешал эти аргументы с царящим в Сербии геноцидом. Эмоции, которые пробудил Милошевич, были враждебны такому понятию, как демократия. Он разбудил слепую ненависть к «врагам Сербии». К таким он причислял албанцев, хорватов и жителей Словении, то есть по существу всех несербов⁷⁷. Созданный тип политической культуры характеризовал политику тогдашнего словенского правителя Франка Зетинка как патриархально окрашенную верноподданческую культуру, из которой предводитель вышел как «великий архитектор или рыцарь». Продолжительный экономический и моральный кризис пробудил в людях чувство обморока и ресигнации. Люди собирались вокруг мнимого героя, так как они чувствовали, что он поможет осуществить или даже осуществит их мечты и надежды⁷⁸.

⁷¹ Mønnesland 1997: 321.

⁷² Zitiert nach Meier 1995: 150.

⁷³ Mønnesland 1997: 322; vgl. Meier 1995: 158 ff.; Furkes 1991: 82 f.

⁷⁴ Calic 1995: 33.

⁷⁵ Zitiert nach Meier 1995: 172.

⁷⁶ Ebenda.

⁷⁷ Vgl. Reuter 1991: 5.

⁷⁸ Franc Šetinc im Vjesnik vom 21.1.1989. Zitiert nach Reuter 1991: 5.

Заключение

В условиях тяжелого экономического кризиса национализм был для людей последней надеждой, именно от него они ждали исполнения своих надежд. Государственные границы Югославии начали изменяться, не потому что народ хотел этого, а по желанию отдельных представителей власти. Для достижения своих эгоистичных целей они руководствовались манипулированием народа, опираясь на исторические воспоминания и националистические крики ура. Репортер одной из немногих независимых газет в экс-Югославии сказал Циммерману: «Вы, американцы, тоже превратитесь в националистов и расистов, если ваши СМИ превратятся в клан»⁷⁹. Чтобы прогнать этот призрак разрушающего национализма, необходимо иметь четкую перспективу о своем вступлении в ЕС для стран западно-балканских территорий. Остается надеяться, что те демонстранты, которые кричали на улицах Белграда «Да здравствует Зоран!», не будут разочарованы сытой и близорукой Европой.

Пер. с нем. Н.Н. Боярских

Summary

Starting with the death of Slobodan Milošević in The Hague and the reactions to it in Belgrade this march, disclosing a deeply divided society, this article gives an illustration of the developments which led to the secessional wars in former Yugoslavia. This wars inflamed on the base of destructive nationalisms in the region. A multitude of theories explain the conflicts in the Balkans with the picture of a huge «refrigerator», in which the old ethnic cleavages were «frozen» in socialist times. The collapse of socialism «de-frosted» the conflicts and caused the wars. Contrary to this position, this account identifies the severe economic crisis of the 1970s and the regionally based economic fragmentation as decisive causal factor. Both combined led after the death of Tito in the 1980s to uncertainty and a receptiveness for radical solutions in the Yugoslavian societies. This receptiveness of the masses was abused by regional actors greedy for power. They had a deep look in the tool box of history. In this perspective, rather than historical legacies creating the secessional wars, historical memories of the societies were instrumentalized to produce an atmosphere of incited nationalism. In the forefront of the year of destiny 2006 for the Balkans, where a number of important questions will be tackled (Montenegro, Kosovo), such a review is adequate to clarify the necessity of a short- or medium-term membership perspective of the Western Balkans in the European Union. Membership in the EU is through the stabilization of the economics the best medicine against any new eruptions of a destructive nationalism.

⁷⁹ Zitiert nach Zimmermann 1995: 12 («You Americans would become nationalists and rascists too if your media were totally in the hands of the Ku Klux Klan»).